

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН И ЕГО ГУМАНИТАРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ (на материале немецкой исторической беллетристики второй половины XIX века)

ЗОЛИНА Е.Н., канд. филол. наук

Рассматриваются теоретические и практические аспекты проблемы использования образовательного потенциала исторического романа в учебном процессе и научной работе студентов технического университета.

Ключевые слова: исторический роман, спецкурс, эволюция исторического жанра,

HISTORICAL NOVEL AND ITS HUMANITARIAN AND EDUCATIONAL POTENTIAL (based on German historical fiction of the latter half of XIX)

ZOLINA E.H., Ph.D.

The article concerns theoretical and practical aspects of the problem of historical novel educational potential use in educational process and in scientific work of technology university students.

Key words: historical novel, special course, historical genre evolution.

Подлинную историю человека пишет не историк, а художник.

М. Горький

Известный немецкий писатель Л. Фейхтвангер в своей последней книге «Дом Дездемоны, или Величие и границы исторической поэзии» (1961) приводит высказывание английского историка Д.М. Тревелльяна о том, что «поэт Вальтер Скотт один сделал для правдивого постижения человеческой истории больше, чем все профессиональные историки, вместе взятые», и с сожалением констатирует, что «большинство штатных исторических исследователей не столь прозорливы, они высокомерно отделяют свою серьезную науку от «баловства» исторических сочинителей»¹. Вопрос об образовательном потенциале исторического романа не раз затрагивался и другими учеными². «Исторический роман – своего рода громадная воспитательная и образовательная сила. Эту силу не только нельзя пренебрегать, но с нею нужно считаться и нужно ею пользоваться, во-первых, как источником исторических знаний, во-вторых, как источником критического мышления, понимания окружающей общественной жизни и, в-третьих, как источником альтруистических и общественных эмоций». К такому выводу пришел русский книговед, социолог-экспериментатор, библиопсихолог Н.А. Рубакин, посвятивший данной проблеме специальную статью «Исторические романы и преподавание истории» (1902), в которой он впервые поставил вопрос о необходимости целенаправленного и систематического использования познавательных ресурсов и педагогической силы этого «особого отдела изящной словесности» в деле просвещения юношества³. Автор пытается разобраться в жанровой специфике исторического романа, обусловившей этот потенциал, и приводит конкретные методические рекомендации педагогам-практикам в области не только истории, но и других гуманитарных наук. Особо хотелось бы отметить наблюдение ученого о возрастании педагогического значения исторического романа в период, когда стало очевидным, что «центральное место в деле преподавания истории должна занимать история культуры в широком смысле этого слова». Художественная проза культурно-исторического направления вместе с научны-

ми трудами историков культуры второй половины XIX в. стояла у истоков «новой исторической науки», науки XX в. и наших дней, в лице истории ментальностей, истории представлений, истории частной жизни, истории повседневности, микроистории и пр. Реальное подтверждение жизненности и актуальности выводов и рекомендаций Н.А. Рубакина мы нашли в собственной практической педагогической деятельности, о некоторых аспектах которой далее и пойдет речь.

В ИГХТУ накоплен интересный опыт чтения специальных курсов по выбору, дополняющих и углубляющих содержание базовых дисциплин гуманитарного цикла, в том числе спецкурсов по русскому и иностранным языкам, литературе, искусству, истории, праву, психологии и др. Ежегодно студентам предлагалось на выбор от 10 до 15 различных курсов, авторских разработок преподавателей-гуманитариев вуза⁴. Это один из реальных путей формирования и развития творческой гуманитарной среды обучения в техническом университете.

Подобные элективные курсы важны и интересны не только для студентов-слушателей этих курсов, но и для преподавателей-гуманитариев, работающих в техническом вузе, так как дают им возможность реализовать результаты своих научных изысканий в практической педагогической деятельности.

Спецкурс на тему «Зарубежный исторический роман XIX века», разработанный автором данной статьи, стал возможным в результате изучения ряда научных проблем, связанных с исторической беллетристикой. Результаты этой работы кратко представлены в статье по ходу презентации курса⁵.

Цель курса – расширить и систематизировать знания слушателей, во-первых, о возникновении и развитии в конце XVIII – начале XIX вв. исторического мышления и, во-вторых, об историческом романе как особом способе воплощения исторического мышления. На материале классических и менее известных русскому читателю образцов исторической прозы XIX в. в спецкурсе прослеживаются предпосылки и истоки зарождения исторического романа как самостоятельного жанра художественной литературы; спецкурс знакомит слушателей с его эволюцией и основными типологическими направлениями развития, в том числе с романами

вальтерскоттовского типа, историко-биографическими, авантюрно-историческими и др. Задачей курса было показать основные тенденции развития исторической прозы, сосредоточив внимание слушателей на наиболее ярких в содержательном и художественном плане произведениях, вобравших в себя в то же самое время характерные черты того или иного типа, разновидности исторической беллетристики исследуемого периода.

Особый научный и познавательный интерес представляет заключительная часть спецкурса, посвященная немецкой исторической беллетристике второй половины XIX в., которая практически не изучена отечественным литературоведением. Вместе с тем в ней есть целый ряд авторов, произведения которых вплотную приближаются к мировому классическому историческому роману, имеют самостоятельную художественную ценность (как в содержательном плане, так и по форме) и, без сомнения, достойны внимания читателей вообще и слушателей спецкурса в частности. Анализ публикаций русских переводов немецкой исторической прозы XIX в., появившихся на книжном рынке России в последнее время, свидетельствует о том, что издательский и читательский интерес к ней сохраняется. Современные отечественные книгоиздатели публикуют не только отдельные романы, но и целые серии исторических произведений, самые известные и популярные из которых «Тайны истории» издательства «Терра» (в этой серии вышли романы Т. Мундта, Л. Мюльбах, Г. Эберса, Г. Кенига, А. Глазера и др.), «Орден» и «Легион» издательской группы «Okto –Print» (в них вошли произведения К.Ф. Мейера, А. Шперля, Г. Эберса, Ф. Дана и др.), «Всемирная история в романах» издательства «Новая книга» (в этой серии опубликованы романы Ф. Маутнера, Р. Хамерлинга, Ф. Дана и др.), а также многотомные собрания сочинений Г. Эберса, Г. Борна, Г. Самарова, К. Мая (издательства «Терра», «Эя»). Таким образом, слушатели спецкурса имеют доступ ко всем (не только классическим, широко тиражированным в советское время) художественным текстам, на базе которых построен курс.

Анализ немецкой художественно-исторической прозы второй половины XIX в. проводится в широком социокультурном контексте, в частности, в сопоставлении с развитием немецкой историософской и собственно исторической мысли, и позволяет сделать вывод о том, что историческая беллетристика и историография были тесно связаны друг с другом. Более того, влияние исторической мысли на литературу не ограничивалось выбором темы и исторического материала, оно распространялось и на философскую и эстетическую концепцию писателей, их взгляд на философию истории, порождая разное восприятие, а отсюда и разное художественное воплощение истории с точки зрения основ ее единства и многообразия, ее смысла, направленности, движущих сил, гуманистического содержания. Так, правовосприимчивые историографической школы Л. Ранке, политические историки, отказавшиеся от идеи органического развития общества и интерпретировавшие историю как событийную и как результат деятельности отдельных личностей, выдающихся политиков, способствовали широкому распространению исторических романов, авторы которых воспроизводили жизнеописания крупных исторических деятелей, втянутых в калейдоскоп событий «большой» истории, видя в них ее основ-

ные движущие силы и цвет нации. Создатели такого рода романов (Ю. Бахер, Г. Кленке, Г. Самаров, Л. Мюльбах, Т. Мундт, А. Брахфогель и многие др.) считали главной задачей своего литературного творчества сделать общественным достоянием великие образы и поучительные факты истории.

Под влиянием новой отрасли исторического знания – истории культуры и особенно того направления, которое ей придал швейцарский немецкоязычный историк Я. Буркхардт, происходят существенные, если не сказать кардинальные, изменения в историко-философской парадигме гуманитарного знания XIX в. и появляется новый образ истории, рожденный иным представлением о культуре, государстве и роли в них человека. Сохраняя «всепроницающий историзм» Гегеля (взгляд на любую область жизни как на часть целого), Буркхардт лишает свои книги «самой материи историографии» – исторических событий. Ему интересны не сами события, а «делатели» этих событий, их образ мыслей, психология, менталитет и т.п., реализующиеся в трех основных потенциях человечества – государстве, религии и культуре, которые он рассматривает не хронологически, а в контексте определенной эпохи⁶. Следуя, в сущности, традиции вальтерскоттовского романа, немецкие романисты учились у Буркхардта «пластическому изображению» истории – во всей полноте воссоздаваемой эпохи, которая мыслилась им как некое *культурное* целое, обладающее местным колоритом с особыми нравами, «вещными атрибутами», ментальными и поведенческими стереотипами и пр.⁷

Эволюция исторического жанра поствальтерскоттовской эпохи, как это можно видеть в творчестве немецкоязычных писателей второй половины XIX в. (В. Раабе, К.Ф. Мейера, Г. Эберса, Ф. Маутнера и др.), заключалась в гармоническом дополнении и углублении философского и художественного макроисторизма Гегеля и В. Скотта микроисторизмом, иными словами, в распространении историзма на уровень психологии отдельной, известной или малозаметной и в то же время уникальной человеческой личности, обладающей исторически обусловленным, но индивидуальным восприятием жизни, смерти, любви, дружбы, семьи и т.п., на уровень не усредненного, а конкретного индивида, поведение которого не обязательно совпадает с общепринятым, но тем не менее вызывает интерес и сочувствие у читателя, показывает ему потенциал эпохи, возможное направление движения истории.

Особое внимание в рамках курса было уделено оригинальному явлению в литературной жизни Германии второй половины XIX в. – «профессорскому» роману. Этот тип исторического романа изначально создавался профессиональными учеными именно в просветительских целях, и научная репутация автора гарантировала читателю достоверность содержания.

Термин «профессорский» роман (калька с нем. Professorenroman) используется в отечественном литературоведении, как правило, по отношению к литературным сочинениям – историческим романам – двух известных немецких ученых, профессоров германских университетов Г.М. Эберса (1837–1898), археолога, знатока Древнего Египта, и Ф. Дана (1834–1912), правоведа, специалиста по истории древних германцев. В немецком литературоведении этим термином определяется также художественно-историческая проза целого ряда их последователей,

немецкоязычных писателей второй половины XIX в. – В. Валлота, Р. Хамерлинга, А. Хаусрата, Э. Экштейна и др. В литературном творчестве последних связь с профессиональными занятиями историей уже не столь непосредственна.

Если рассматривать «профессорский» роман не только как литературное произведение ученого-историка, но как особую разновидность художественно-исторической прозы, впитавшей научный подход к истории, то круг авторов, представляющих данный тип исторической беллетристики, очевидно, может быть существенно расширен. Вместе с тем, чтобы определить типологическую особенность этой разновидности исторического романа, нужно исходить именно из тесной связи первых «профессорских» романов с профессиональной деятельностью их творцов, которая пришлась на период бурного развития культурно-исторического направления в немецкой историографии, в результате чего был накоплен огромный фактографический, документальный, археологический материал. Стремление популяризировать результаты своих научных изысканий и наблюдений, сделать их доступными массовой читательской аудитории побудило ученых к литературному творчеству, так как именно беллетристика, обладающая законным правом на интуицию, воображение и художественный вымысел, которые исключались в труде историка, позволяла им сопрягать в единое целое большую историю и частные судьбы рядовых индивидов, массовое, стереотипное и личное, уникальное в доступной и занимательной форме. Научная строгость, фактографическая точность и погруженность авторов «профессорских» романов в культурные формы изображаемой эпохи нашли отражение в максимально подробном рассмотрении человеческой личности «в самых разнообразных житейских положениях»⁸, от властелина до раба, а также в большом количестве (помимо данных прямо в тексте произведения) научных разъяснений исторических реалий далекой эпохи в виде специальных подстрочных и послетекстовых примечаний. Например, у В.А. Беккера, археолога, старшего коллеги Эберса по Лейпцигскому университету, автора «Руководства по римским древностям» и других научных сочинений, в его «Сценах из римской жизни» и «Картинах древнегреческих нравов и обычаев» (так в подзаголовках назывались его беллетристические сочинения «Галл» и «Харикл») они превышали по объему едва ли не вдвое текст самих исторических повестей. Послетекстовые примечания Эберса-ученого к роману «Дочь египетского царя» занимают около 70 страниц, а всего их более 550. А. Шперль, доктор истории, профессиональный архивариус и по совместительству писатель, снабжал свои романы помимо затекстовых примечаний списком источников и пособий, которыми он пользовался, чтобы проникнуть в дух отдаленных эпох. У большинства других авторов такие специальные научные справки изначально отсутствовали, но это не мешало им в мельчайших деталях воссоздавать исторический колорит той или иной эпохи. В дальнейшем и у Эберса количество постраничных сносок-разъяснений становится все меньше, а примечания и вовсе исчезают. Научные сведения, дававшиеся в них, более или менее органично переходят в ткань художественного произведения, теряя при этом свою внешнюю наукообразность.

Зрелые произведения Эберса-романиста дают возможность слушателям спецкурса (как и любому читателю) детально и наглядно и одновременно в форме увлекательного чтения узнать и представить, например, древнеегипетскую цивилизацию с ее городами живых и мертвых, дворцами фараонов, везиров, махоров и хижинами парасхитов и тарихетов; романы Дана открывают студентам мир древних германцев с их самобытной культурой, показывают роль завоевательных походов знаменитых королей гуннов в европейской истории; Ф. Маутнер переносит читателя в древнюю Александрию с ее мусейоном и его учеными обитателями, знаменитой библиотекой и толпами студентов и т.д.

«Профессорский» роман затрагивает важные для понимания духа далекого времени и вместе с тем до сегодняшнего дня сохраняющие актуальность проблемы: феномен власти («Нерон» Э. Экштейна, «Император» Г.М. Эберса, «Борьба за Рим» Ф. Дана), человек в кругу семьи («Аспасия» Р. Хамерлинга, «Ксантиппа» Ф. Маутнера), мир чувств, этических и эстетических идеалов («Аспасия» Р. Хамерлинга, «Арахна» Г.М. Эберса), природа религиозного чувства («Ипатия» Ф. Маутнера, «Патомизна» А. Хаусрата) и др. Он позволяет узнать «домашнюю» сторону истории, «человеческое» лицо властителей, стратегов, сенаторов, жрецов, ученых, поэтов, зодчих и прочих реальных исторических персонажей, официальная деятельность которых хорошо известна студентам.

Однако «профессорский» роман не привлек бы к себе внимания и не заслужил бы признания читателя, если бы его образовательная и познавательная ценность ограничивалась только бытописанием, этнографическими картинками, портретными и биографическими зарисовками, экфрастическими описаниями и пр. Авторы лучших «профессорских» романов, к каковым, на наш взгляд, могут быть отнесены, например, романы «Аспасия» Р. Хамерлинга, «Ипатия» Ф. Маутнера, «Арахна» Г. Эберса, «Нерон» Э. Экштейна, пытаются воссоздать ментальные стереотипы незаурядных и рядовых людей из различных слоев общества, которые находятся в зависимости от их представлений о мироустройстве (идеалы, ценности, желания, страхи, правила поведения, индивидуальная и общественная практика и пр.). Для этих авторов интересны не только массовые феномены, типичное, но и поступки людей разного социального статуса, которые могут идти вразрез с поведенческими стереотипами (неординарное, маргинальное, девиантное поведение, так называемые казусы) и, тем не менее, выражать то «культурное всеобщее, которое общим лишь стирается, нивелируется», максимально полно отображая «предельный замысел» культуры определенной эпохи⁹ и вооружая опытом носителей этой культуры современного человека.

Цели и задачи спецкурса обусловили проведение цикла лекций и практических занятий, в тематику которых входит также просмотр и обсуждение ряда художественных фильмов, снятых по романам XIX в. («Айвенго» по одноименному роману В. Скотта (реж. Дж. Гвилт), «Клеопатра» по одноименному роману Г. Эберса (реж. Дж. Манкевич) и др.). Спецкурс завершается зачетными занятиями в форме представления и защиты рефератов по предложенным темам. Работа над рефератами предполагает прочтение и творческое освоение наследия зарубежных авторов исторических романов XIX в. От-

правной точкой в самостоятельной работе студентов может стать специальное учебное пособие, разработанное автором курса. Наибольшей популярностью у слушателей спецкурса, как показывает опыт, пользуются темы, связанные с творчеством В. Скотта, А. Дюма, Д.Ф. Купера. Вместе с тем особенно интересными, отличающимися творческим подходом и самостоятельностью суждений, являются работы, в которых студенты открывают новые для себя имена и книги, пытаются сравнивать произведения двух авторов, сопоставлять романную и научную биографию исторических личностей («Фауст исторический и Фауст Гете», «Тайны герцогов Борджа (по новелле К.Ф. Мейера «Анджела Борджа»)», «Обычаи древних египтян в романе Г. Эберса «Уарда», «Тема королевских мушкетеров в романах А. Дюма «Три мушкетера» и Г. Борна «Анна Австрийская, или Мушкетеры королевы», «Ипатия: историческая личность в литературном контексте (по одноименным романам Ч. Кингсли и Ф. Маутнера)», «Генрих VIII и его королевы, или Кого выбирает литература (по роману Л. Мюльбах «Екатерина Парр»)» и др.).

Спецкурс предполагает знакомство слушателей не только с художественными текстами, но и с научной и справочной литературой и последующую аналитическую обработку информации, что в конечном итоге расширяет культурные горизонты слушателей и закрепляет их навыки и умения анализировать художественный текст, конспектировать научную и справочную литературу, составлять и оформлять рефераты, списки использованной литературы, библиографические отсылки, выступать с докладами и т.п. В связи с этим рабочая программа курса снабжена списками обязательной и дополнительной литературы, перечнем тем для рефератов, который может быть дополнен в зависимости от индивидуальных интересов слушателей.

Большую помощь студентам в работе над избранной темой оказывает хорошее знание иностранных языков, так как это позволяет им разыскивать материал для рефератов и докладов в специальных иноязычных энциклопедиях и лексиконах. Более того, поиск зарубежной информации мотивирует основательное изучение иностранных языков и подталкивает студента к углублению базовых знаний и умений на дополнительных факультативных занятиях или спецкурсах по интенсивному изучению иностранных языков.

Разумеется, выполнение рефератов – это только первый шаг в сторону самостоятельной научной работы. Но иногда результаты филологических изысканий студентов оказываются настолько значимыми, что становятся достойны обсуждения не только в рамках курса, но и на более высоком уровне, например, на различных научных конференциях¹⁰.

С появлением на гуманитарном факультете выпускающей кафедры, каковой стала кафедра истории и культуры, и студентов-культурологов, закрепленных за ней, для всех преподавателей-гуманитариев ИГХТУ открылись новые возможности внедрения в педагогическую практику результатов своих научных и научно-методических изысканий. В частности, у литературоведов появилась возможность чтения годичного лекционного курса по мировой литературе, руководства курсовыми и дипломными проектами студентов. Наш первый опыт руководства (наряду с читавшим курс преподавателем)

лем) курсовой работой студента-культуролога в рамках курса истории повседневности уже состоялся. И «профессорский» роман (в данном случае это были романы Ф. Дана, написанные на основе его многочисленных научных трудов по истории древних германцев) в очередной раз позволил воспользоваться своим гуманитарно-образовательным потенциалом для раскрытия темы «Культура повседневности у древних германцев». Интересным оказался и опыт подготовки студентом-культурологом научной статьи по материалам исторической повести немецкого писателя второй половины XIX в. В. Раабе «Гусиный бунт в Бютцове» (произведение было прочитано в оригинале), которую студент написал в качестве промежуточной зачетной работы по базовому курсу иностранного языка и представил к печати¹¹.

Подобного рода работы позволяют в полной мере использовать междисциплинарный подход в обучении и научных исследованиях студентов, вырабатывают у них потребность в применении знаний и умений в области классических и современных иностранных языков, истории и теории литературы и др. для решения своих профессиональных задач.

Настоящим праздником культуры и своеобразным творческим отчетом по результатам научной работы студентов (в том числе и студентов технических специальностей, факультативно занимающихся научно-гуманитарными исследованиями) и преподавателей-гуманитариев является ставшая традиционной конференция, которая организуется на гуманитарном факультете ИГХТУ в статусе межвузовского форума, подводящего итоги научного сотворчества педагогов и студентов.

Завершить статью хотелось бы своеобразным пожеланием Н.А. Рубакина русским читателям, чтобы все «великие, глубокие, поразительно остроумные идеи», нашедшие своего ученого, нашли *художника*, «который облек бы их в плоть и кровь и показал бы их реальное, жизненное значение для мыслящей, чувствующей, страдающей личности человеческой...»¹².

Примечания

¹ Фейхтвангер Л. Дом Дездемоны, или Величие и границы исторической поэзии // Л. Фейхтвангер. Собр. соч.: В 6 т. – М., 1991. – Т. 6, кн. 1. – С. 549.

² См., например: Струве В. Предисловие // Эберс Г. Уарда. – М., 1963. – С. 6–7; Трачевский А. Введение // Щит вендов: Сб. исторических романов. – М., 1994. – С. 49; От автора // А.П. Левандовский. Белый слон Карла Великого. – М., 1993. – С. 3; Баскаков А.Н. Идея самодержавной власти в сочинениях Георга Эберса о Древнем Египте // Древний и средневековый Восток. – М., 1987. – С. 50; Sßssmann J. Geschichtsschreibung oder Roman? – Stuttgart, 2000. – S. 11–13 (Frankfurter historische Abhandlungen; Bd. 41) и др.

³ Рубакин Н.А. Исторические романы и преподавание истории // А.В. Мезьер. Указатель исторических романов, оригинальных и переводных, расположенных по странам и эпохам. – СПб., 1902. – С. 24.

⁴ Гуманитарный спецкурс по выбору: Учеб.-метод. пособие для студентов 3 курса всех специальностей. – Иваново, 2001.

⁵ Подробнее см.: Золина Е.Н. Немецкая историческая беллетристика второй половины XIX века: Учеб. пособие. – Иваново, 2001.

⁶ См. об этом подробнее: Павлова Н.С. Общественная и научная мысль в Швейцарии второй половины XIX века. Якоб Буркхардт. Иоганн Якоб Бахофен // История швейцарской литературы. Т. 2. – М., 2002. – С. 268–287.

⁷ Ср. признание Эберса, сделанное им в книге воспоминаний «История моей жизни» о своем первом историческом романе «Дочь фараона» (1864): «Образцом мне служил «Константин Великий» Я. Буркхардта. Я хотел сделать главный акцент <в романе> на состояние культуры, на духовной и религиозной жизни, на искусстве и науке в Египте, Греции и Персии, Финикии...». См.: *Ebers G. Die Geschichte meines Lebens.* – Stuttgart, Leipzig, Berlin, Wien, 1893. – S. 504.

⁸ Эберс Г. От автора // Г. Эберс. Клеопатра. – М., 1993. – С. 11.

⁹ Баткин Л.М. Письма Элоизы к Абеляру. Личное чувство и матрицы культурной среды // Л.М. Баткин. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. – М., 2000. – С. 228.

¹⁰ См., например: Тутукин А.А., Золина Е.Н. К загадке Сократа (по роману Ф. Маутнера «Ксантиппа»): Тез. докл. и сообщ. I Междунар. школы-семинара «Пути и сред-

ства формирования языковой и речевой культуры». – Иваново, 1998. – С. 135–136; Кулев М.А., Золина Е.Н. Гуманитарные специальные курсы в общепрофессиональной подготовке студентов технического университета: Тез. докл. междунар. студенческой конф. «Развитие. Окружающая среда. Химическая инженерия». – Иваново, 2000. – С. 119–120; Культура: тексты и контексты: Мат-лы IV науч. конф. студентов, аспирантов и преподавателей. – Иваново, 2002 (см. раздел «Исторические миры – опыты реконструкции»).

¹¹ Малышенко Е.В. Исторические и литературные реминисценции в повести В. Раабе «Гусиный бунт в Бютцове» // Культура, тексты и контексты: Мат-лы V науч. конф. студентов, аспирантов и преподавателей. – Иваново, 2004 (в печати).

¹² Рубакин Н.А. Исторические романы // Там же. – С. 24 (курсив Н.А. Рубакина).